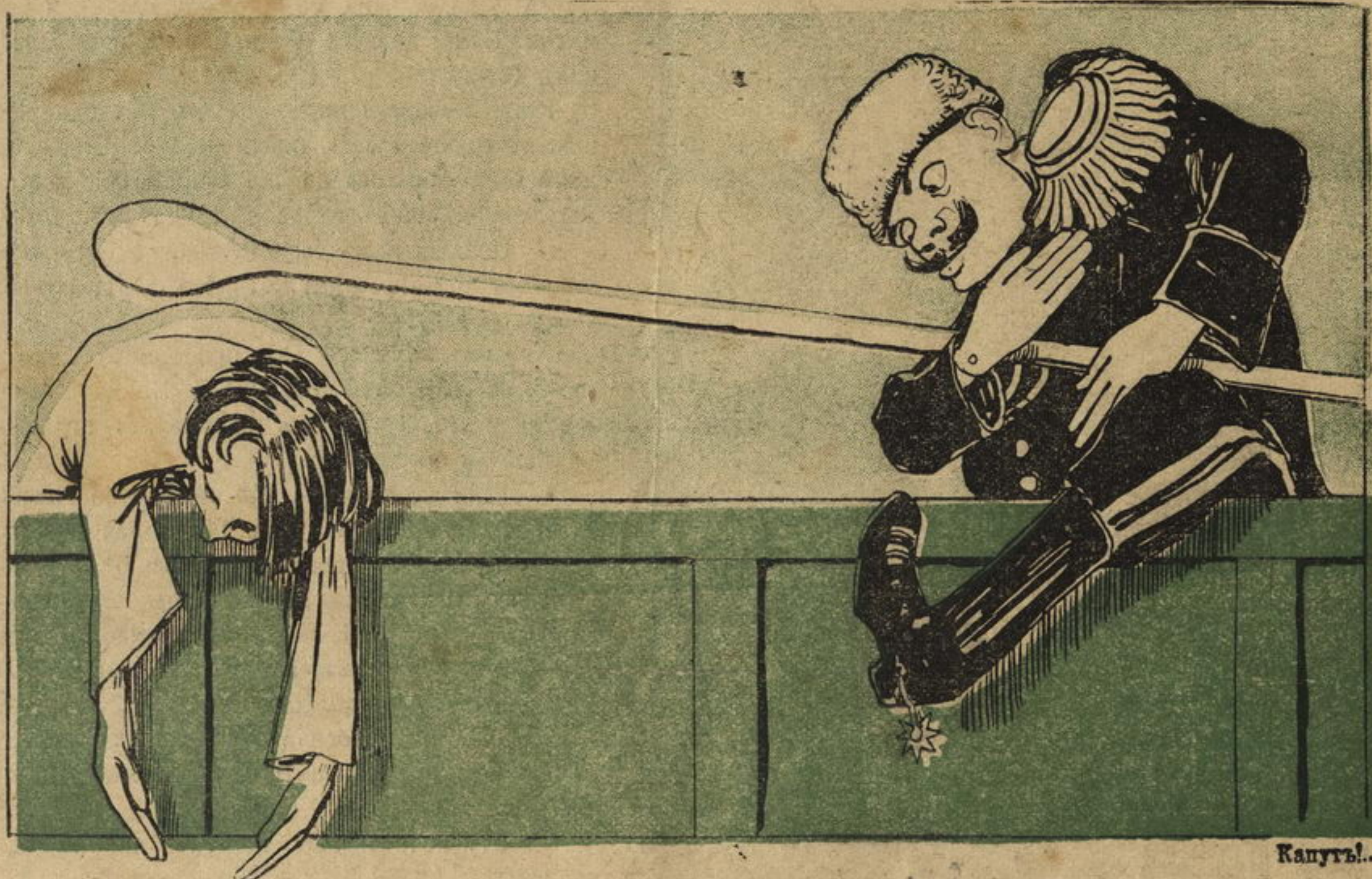

ЗРИТЕЛЬ

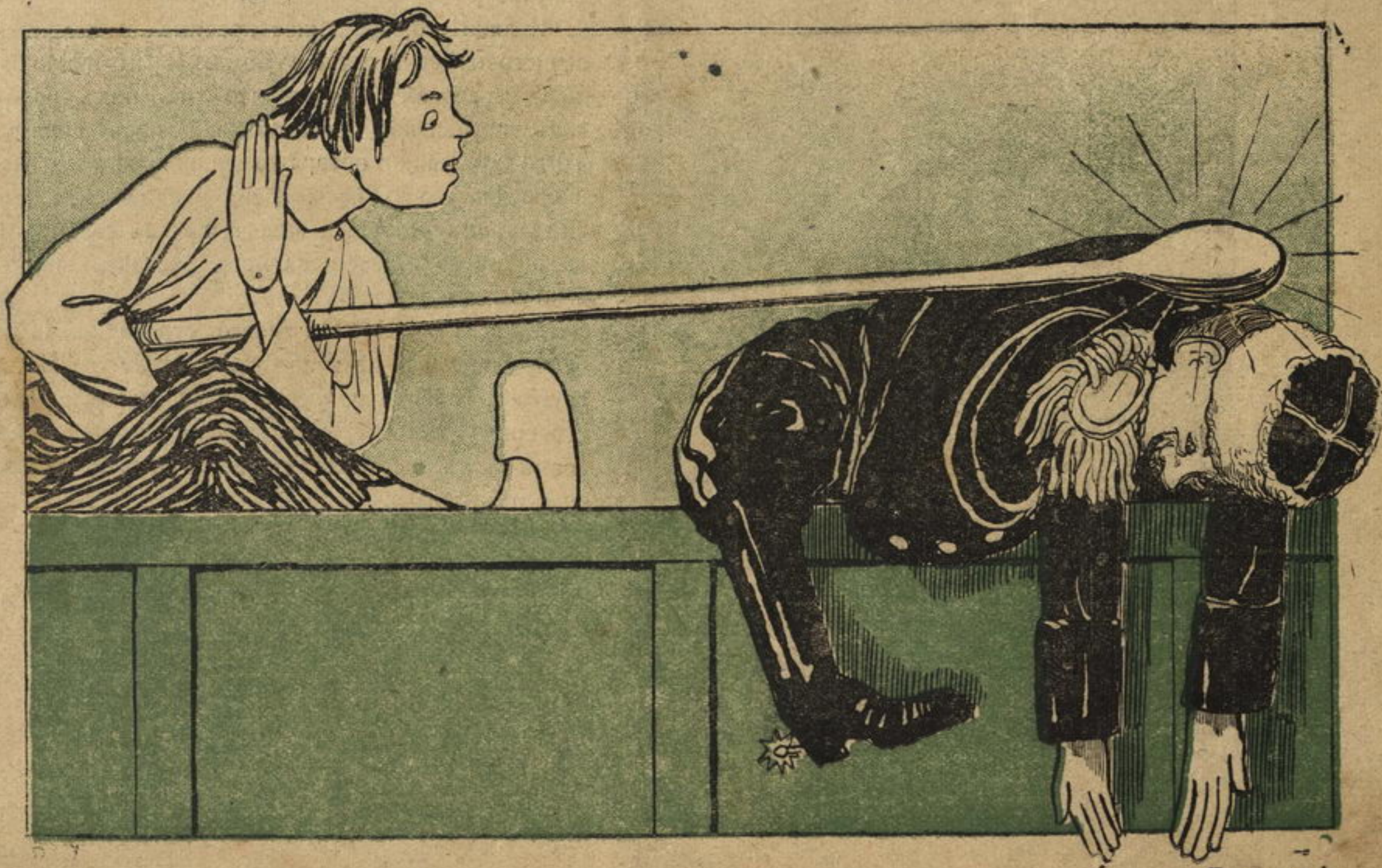
ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

1905.

Капуть!..

Правильно!..

Чернигово Саратово-Тамбовскіе петрушки.

СНЫ

I.

ДРОВА.

Мы пировали. Насъ было много. Намъ было весело. Солнце свѣтило въ окна, цвѣты на столѣ благоухали, испаряя послѣднюю свою душу для нашей улады, вина были тонки, сладки и ароматны. Наши подружки были молоды и смѣялись, какъ дѣти.

Когда кончился пиръ, кому-то изъ насъ пришла въ голову мысль пойти посмотрѣть, гдѣ и какъ было изготовлено все великолѣпіе явствъ, усладившихъ нашъ избалованный вкусъ.

— Покажи намъ свою кухню,—смѣясь, говорили мы хозяину.—Мы хотимъ сказать спасибо твоему повару.

Хозяинъ смутился. Онъ пробормоталъ что-то невнятное. Лицо его поблѣднѣло. Но мы, смѣясь, повлекли его. Тогда онъ усмѣхнулся странною улыбкою и сказалъ:

— Если вы хотите... Но тамъ очень жарко.

И мы пришли въ кухню. Громадная печь возвышалась посреди громадной кухни. И печь еще топилась. Пламя было веселое и яркое, и передъ печкою свалена была на полъ громадная груда огромныхъ полѣньевъ, для чего-то завернутыхъ въ полотняныя покрывала.

И когда мы спросили повара, для чего эта печь продолжаетъ топиться, когда мы уже отобѣдали, онъ сказалъ намъ:

— Эту печь нельзя погасить ни на одну минуту.

И лицо его, озаренное краснымъ отблескомъ печного пламени, было угрюмо. И мы наклонились къ дровамъ, потому что отъ нихъ исходилъ поразившій и испугавшій насъ смрадъ. Тогда помощники повара взяли одно изъ полѣнь и бросили его въ печь. И мы увидѣли, что это былъ трупъ человѣка, завернутый въ саванъ. И взяли его за голову и за ноги, раскачали и бросили въ яркое пламя.

Мы смутились. Мы долго стояли молча и смотрѣли, какъ печь пожирала трупы одинъ за другимъ. И когда принесли новое беремя дровъ, страшную вязанку, захваченную веревкой на спинѣ дюжаго дворника, одинъ изъ насъ робко спросилъ повара:

— Гдѣ же вы берете эти дрова?

И улыбаясь отвѣтилъ намъ поваръ:

— Ихъ много. Больше, чѣмъ намъ надо. Ходятъ мимо. Наши дворники ихъ рубятъ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Двѣ Крысы.

(Басня).

Въ подпольѣ мрачнаго дворца
Двѣ Крысы встрѣтились придворныхъ,—
Игривыхъ, кругленькихъ, проворныхъ,
Смазливенькихъ съ лица
(Сказать „смазливыхъ съ морды“—неприлично!)
—Ма chère,—кричитъ одна и плачетъ пестерящая:
Мы жили такъ отлично
Безъ этого народа-наглеца!
Мы шировали чуть не ежедневно
Княгиня Марья Алексѣевна
Была всегда къ намъ такъ мила:
Въ углахъ сорила, чѣмъ могла...
Все танцовали до упаду,
Рядились предками, и въ этомъ всю усладу
Искали во дворцѣ. Теперь молва прошла,
Что всѣмъ баламъ конецъ!
За что караешь насъ, Творецъ?
Въ подпольѣ мы таскали раковъ!
А сколько на балахъ мы заключали браковъ?!
И вдругъ теперь
Какой-то дикій звѣрь—
Рабочій безобразный,
А съ нимъ народъ—вонючій, грязный
Смутили всѣхъ и всѣмъ баламъ конецъ!
Ну, не наглецъ-ли людъ нашъ? не наглецъ?
Что дѣлать, милая? Какъ воротить приволье?
— Какъ воротить? Бѣжать въ подпольѣ
И ждать:
Авось, опять наступитъ благодать...
А что насчетъ баловъ, то это—только враки:
За насъ, придворныхъ Крысъ,—казаки,
А за казаками—великолѣпный франтъ
Дворцовый комендантъ!...

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНИНЪ

Образцовое войско.

Войско у Коленьки есть превосходное
Самъ онъ командуетъ имъ,
Войско, по правдѣ сказать,—безподобное...
Съ кѣмъ мы его посравнимъ?!
Есть артиллерія, пѣшіе, конные,—
Флота лишь сильнаго нѣтъ:
Стойкое, храброе войско, безсонное,
Хоть покоряй съ нимъ весь свѣтъ
Есть офицеры въ мундирахъ съ погонами:
Умные, водки не пьютъ,
Сообразуются строго съ законами
И подчиненныхъ не бьютъ...
Нѣтъ лишь у Коленьки войска казакаго:
Онъ—не охотникъ до нихъ;
Коляне любятъ ни духа кабакаго,
Ни своеволія ихъ...

Коленька часто играетъ въ сраженія:

Те-те лихой командиры!

Если бывають порой пораженія,

То не страдаетъ мундиръ...

Качество есть въ этомъ войскѣ безцѣнное:

Битвы—безкровны всегда!

Качество это—едва-ли военное...

Но ничего... не бѣда!

Войско у Коли всегда въ подчиненіи,

Чуждо зловредныхъ идей,

Пищи не требуетъ и въ утѣшеніи

Не выбираетъ червей...

Войско у Коленьки есть постоянное,

Самъ онъ командуетъ имъ:

Войско, коль правду сказать, оловянное,

Но стоитъ рубль съ небольшимъ.

М. Р-НЪ

О да.

(Посвящается министру внутриросійской смуты)

О, Дурново! Съ какимъ смятеніемъ
Я созерцаю образъ твой
И, относясь къ нему съ почтеніемъ,
Провозглашаю: ты — герой!
Ты совмѣстилъ въ себѣ, великій,
Министръ внутриросійскихъ смутъ,
Духъ полицейскій, норовъ дикій,
Арканъ, улыбку, ласку, кнутъ...
Тебя привѣтствую я робко!
И, грѣшный, мыслю объ одномъ:
Ты — только пробка, только пробка
Въ бутылкѣ съ пѣнистымъ виномъ.
Сядь поплотнѣй! Уприся въ горло!
Вино кровавое шипитъ,
Бурлитъ, къ стѣнѣ тебя приперло!
Храни свой министерскій видъ!
Министръ внутриросійской смуты!
Шефъ всеросійскихъ палачей.
О, не дрожи: смутьяновъ пути
Безсильнѣе твоихъ плетей!

Н. Ф.

Искорки

При встрѣчѣ.

— Что вы такой не хорошій?

— На одрѣ болѣзни былъ...

— Не отъ одра-ли?

— Что это? зорю бьютъ гдѣ-то..

— Теперь отъ зари до зари бьютъ.

Недоумѣніе обывателя.

— Что это право? избиратели, избиватели...

Кто-же въ Думу то попадетъ?

СКАЗКА ОБЪ ОДНОЙ МА- МАШЪ И НЕЧИСТОПЛОТ- НОМЪ МАЛЬЧИКЪ.

Жила была мамаша; былъ
у нея мальчикъ ростомъ съ
пальчикъ, пальчикъ сосалъ,
людей кусалъ.

Мамаша головку ему очи-
щала,

Мамаша его отъ людей за-
щищала,

Мамаша его баловала,

Мамаша его понимала.

Словомъ, они другъ друга
понимали безъ словъ.

Ну вотъ и все.

Примѣчаніе редакціи.

По странной ироніи судьбы
мы замѣчаемъ, что у мамашы
есть сходство (хотя, можетъ
быть, это только намъ кажется,
съ графомъ Витте... Но зачѣмъ
капотъ? оборки?

На фонѣ пейзажа тоже видны
повѣшенные на шелковомъ шну-
рѣ игрушки-плясунчики, и—если
мы не ошибаемся, то, смотря
слѣва на право, видимъ: Шипо-
ва, Манухина, гр. И. И. Тол-
стого, Немѣшаева, Философова,
Дурново, Оболенскаго, Бирилева,
Ламздорфа, Редигера, Кутлера и
Тимирязева... словомъ весь ка-
бинетъ... При всемъ стараніи
опредѣлить полъ и возрастъ не-
опрятнаго мальчика, мы не имѣли
никакой возможности этого сдѣ-
лать, такъ какъ видимъ только
затылокъ и тотъ съ шишкой.

Еремьева думка.

Печальная вѣсти пришли изъ столицы:
Тамъ свистъ раздается казачьихъ плетей...
«А мнѣ-бъ прирѣзать маленько землицы»,—
Печально сказалъ Еремѣй.

* * *

И новыя пѣсни, и новыя птицы
Поютъ о свободѣ и счастья людей...
«А мнѣ-бъ промыслить маленько землицы»,—
Со вздохомъ сказалъ Еремѣй.

* * *

Мигаютъ и гаснутъ далеко зарницы:
То пламя пожаровъ надъ родиной всей...
«А ну-ка! добудемъ маленько землицы!»
Сосѣдямъ сказалъ Еремѣй.

ПЫРНИКОЗА.

Жертва одного дня.

Изъ недавнихъ воспоминаній.

(Эскизъ).

— Хи-хи-хи... тихимъ безумнымъ смѣхомъ какъ бы
надъ кѣмъ то посмѣивалась старуха; у нея былъ такой
видъ, точно она хотѣла сказать:

«Я все понимаю, вы меня не проведете...»

Ввалившійся ротъ расширился, показывая беззубыя
десны и выдающаяся впередъ челюсть дѣлала ее еще
больше похожей на мертвеца. Мелкіе рубцы испещряли
все лицо, кожа на немъ казалась блестящей и жесткой,
какъ пергаментъ. Порыжѣвшія отъ времени лохмотья
болтались и въ складкахъ своихъ прятали худое высох-
шее тѣло.

Она такъ сидѣла безпомощная, безъ крошки хлѣба,
во рту, не пивши и безъ сна уже третій день на гряз-
ной узкой деревянной кровати, поджавши подъ себя
корявыя ноги, шептала что-то безсвязно; тихимъ корот-
кимъ смѣхомъ надъ кѣмъ то посмѣивалась и снова без-
звучно что то шептала, чего нельзя было разобрать.
Твердые каменные пальцы ловили воздухъ. Кровать
вздрагивала и хрипѣла басомъ. Въ узкомъ, тѣсномъ под-
валѣ было низко, сыро и темно, точно ночью. Един-
ственное квадратное окошечко занесено было снѣгомъ,
и казалось, что старуху заживо похоронили въ томъ
склепѣ. А вѣтеръ сильнымъ пьянымъ голосомъ пѣлъ за
окномъ какую то грустную, монотонную пѣсню.

Старческіе, прищуренные безцвѣтные глаза перебѣ-
гали съ предмета на предметъ; ей казалось, что ея лю-
бимый единственный сынъ, этотъ всегда угрюмый и пе-
чальный сынъ,—теперь подшучиваетъ надъ ней. Онъ
прятался и снова показывался—то около стола, то въ
углу возлѣ печки, то у окна; не въ грязной, запачкан-
ной блузѣ, которую одѣвалъ для работы, а въ чистомъ
праздничномъ платьѣ; не съ покрытымъ копотью и пылью
лицомъ, какъ приходилъ съ завода, а вымытый и при-
чесанный... ноги его подплясывали и глазами онъ под-
мигивалъ... потомъ огонекъ у него въ трубкѣ погасъ...

Голова закачалась на тонкой шеѣ и постепенно онъ
сталъ таять, расплываться пока едва замѣтнымъ пятныш-
комъ не потерялся за окномъ, то это несколько не
удивило ее и не обезпокоило, она сейчасъ же о немъ
забыла... Передъ ней медленно двигались люди; ихъ
было такъ много, что не видно конца; тѣсно сомкнутыми
рядами они шли; красные флаги широко развѣвались и
плыли надъ ихъ головами. Пѣсня тысячи голосовъ, какъ
раскаты грома, раздавались у нея въ ушахъ; въ тактъ
слышенъ былъ топотъ безчисленныхъ ногъ... Тр... трр...
откуда то посыпался горохъ и въ воздухъ съ шипѣ-
ніемъ и свистомъ замелькали черныя маленькія пятна...
Появились дьяволы съ длинными хвостами и лошадиными
окрашенными кровью копытами; яростно они стали топ-
тать человѣческіе трупы и надъ головами живыхъ своей
злостной адекой улыбкой потрясали блестящей и острой
сталью. Головы все падали, падали, а дьяволы звѣрски
топтали ихъ своими копытами, опьянѣвшіе въ своей
дикой оргіи и пляскѣ... Крупныя кровавыя капли, точно
дождевыя брызги, капали на голову и по жидкимъ рас-
трепаннымъ сѣдымъ волосамъ стекали на изрѣзанное
морщинами лицо...

Въ ея глазахъ все казалось окроплено кровью, всѣ
предметы горѣли, какъ въ огнѣ...

Но людей становилось все больше, красныя знамена
еще шире развернулись; и отъ сильныхъ звуковъ той
пѣсни земля дрогнула... Все исчезло... по стѣнамъ рас-
плывались какіе то неясные, неопредѣленные узоры...
Вдругъ вѣки старухи расширились и въ испугѣ застыли;
глаза стали неподвижно-стеклянными. Она снова увидала
сына. Онъ стоялъ на порогѣ съ искаженнымъ отъ стра-
даній лицомъ и во всѣ стороны пошатывался; на шеѣ
у него чернѣла глубокая рана и изъ нея текла широ-
кой лентой алая кровь. Хриплымъ разбитымъ голосомъ ста-
рая мать вскрикнула, гдѣ то откликнулось долгое, тигучее
эхо. Всѣмъ тѣломъ она подвинулась назадъ; спиной
упала на кровать и во весь свой ростъ вытянулась...
Стало тихо... Въ углу стояла смерть и отчетливо стучала
своими костями...

За окномъ была уже ночь, темная ночь и вѣтеръ
сильнымъ пьянымъ голосомъ монотонно пѣлъ и рыдалъ...

ВЛАДИМИРЪ ГОРДИНЪ

Въ Польшѣ

Еще!

Въ ужасъ боевой расправы переживъ
И груди жертвъ ея оплакавъ,
Мы слышимъ тотъ же вновь вѣлительный при-
зывъ:

«Еще казаковъ!»

* * *

И намъ въ кровавой мглѣ мерещится просторъ
Луговъ и нивъ безъ травъ и злаковъ...
Холмы казачьихъ тѣлъ... И гнѣвный, грозный
хоръ:

«Еще казаковъ!»

МИРНЫЙ.

Новые и новые министры!
Прежнія, все прежнія насилья...
Править вами старая кокотка —
Старая кокотка — камарилья...
Сами вы — угодливыя ширмы
Для кокотки старой камарильи...
Будетъ день, — и сгинете безслѣдно
Въ нарумяненномъ и подленькомъ
безсильи...

И за ширмами наемниковъ-министровъ
Обнаженная предстанетъ камарилья...
Отвернемся! Слишкомъ безобразна
Мать беззубая извѣчнаго насилья...

Н. И.

Боевая пѣсня.

Пурпурное знамя зардѣло
Въ лазури дневной высоты.
На бой! За свободу! И смѣло
Сожжемъ за собою мосты!

* * *

Клянемся! Какъ бурная лава,
Мы хлынемъ на темную рать.
Отважнымъ — безсмертная слава,
Отставшимъ — презрѣнья печать.

* * *

За нами — руины и тлѣнье,
Предъ нами — ликующій свѣтъ.
О, будемъ хоть часъ, хоть мгновенье
Героями звонкихъ побѣд!

* * *

Нашъ родина встрѣтитъ цвѣтами,
Любовь увѣчаетъ нашъ прахъ.
Вернемся назадъ со щитами,
Иль все на щитахъ!

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Художественное обозрѣніе.

Въ Императорскомъ Обществѣ Поощренія художествъ, на Морской, продается интересная открытка съ портретомъ художника Н. К. Рериха и съ изреченіемъ изъ Стоглава: „живописцу подобаетъ быть смиренну, кротку, не празднослову, не смѣхотворну, не

сварливу, не завистливу, не пьяницу“
Внизу подпись: „Рерихъ 30 октября 1904 г.“. Обойти молчаніемъ такое явленіе нельзя; не знаю, обладаетъ ли г. Рерихъ всѣми тѣми совершенствами, которые помѣстилъ рядомъ со своимъ изображеніемъ. Навѣрно онъ въ этомъ ни на минуту не сомнѣвается, и въ самовозвышеніи доходитъ до нахальства, до котораго ни одинъ русскій художникъ не доходилъ. При всей своей скромности и кротости онъ отлично умѣетъ устраиваться на тепленькихъ секретарскихъ мѣстечкахъ и на удивленіе всѣмъ въ живописи огородъ строить. Вотъ они, геніи-то...
С. ЧЕХОНИНЪ.

Напутствіе

А. Р. Булыгину.

Достигши власти заднимъ ходомъ,
Законъ природы ты попралъ
И передъ всеѣмъ честнымъ народомъ
Себя безъ пользы замаралъ

Изъ міра духовенства.

I.

Нѣкій богوماзъ изобразилъ на полоткѣ притвора въ церкви одного села Калужской губерніи родъ большого розоваго блюда съ тонкой красной каймой и въ серединѣ его нарисовалъ младенца, сидящаго по-турецки и играющаго на скрипкѣ.

Мѣстному духовенству такая аллегорія показалась непонятной, и богوماзу пришлось надписать подъ ней:

„И взыгрся младенецъ во чревѣ ея“.

II.

Въ „Книгѣ Чудесъ“ Валаамскаго монастыря записано, между прочимъ, слѣдующее чудо:

„Инокъ пасъ казенныхъ лошадей, изъ которыхъ одна подошла близко къ обрыву и упала съ него. Испуганный иннокъ быстро вознесъ горячую молитву патронамъ монастыря: „Преподобные отцы Сергій и Германъ! Спасите казенное добро!“ Послѣ этого онъ подползъ къ краю обрыва и увидѣлъ далеко подъ нимъ спокойно пасущуюся упавшую лошадь“.

Я.

Письмо въ редакцію.

Нами получено слѣдующее письмо:

(Ореография подлинника.)

Въ редакцію „Зрителя“.

Какіе-то сумасшедшіе люди утверждали, что нѣтъ и не существуетъ въ мірѣ физическомъ и мірѣ духовномъ—темныхъ силъ—т. е. дьяволовъ-сатаны. И я нѣкоторое время хотѣлъ если не вѣрить, то все-таки внимать этимъ разговорамъ.

Но вотъ съ появленіемъ „Зрителя“ и особенно № 19 этого сатанинскаго журнала я убѣдился, что воистину есть и въ духовномъ и въ физическомъ мірахъ—злые духи такъ называемые—черти-дьяволы. Эти искони богомерзкіе и душегубные извратители жизни человѣческой, теперь очень рельефно обрисовываются въ писательствѣ и издѣвательствѣ надъ всеѣмъ тѣмъ, что дорого и свято для русскаго православнаго человѣка.

Придя въ неописуемое огорченіе отъ продѣлокъ сатаны черезъ сотрудниковъ „Зрителя“ я рѣшилъ войти въ союзъ русскихъ людей имѣющихъ давать фактическіе отпоры всякой богомерзкой мерзости и чтобы не быть бездѣтельнымъ членомъ, я рѣшилъ теперь же написать это письмо въ редакцію „Зрителя“ и выразить свое порицаніе, а чтобы это порицаніе не было пустымъ звукомъ для безстыжихъ дѣятелей „Зрителя“ я плюю въ морды этимъ служителямъ сатаны за ихъ продѣлки подъ заголовкомъ „Кадикіи переходже“, в „Сотруднику полиціи“ и имъ под. и вообще нахожу, что вся дѣятельность печатная „Зрителя“ представляеть изъ себя ничѣмъ не лучше пьяной публичной бабы въ разодранномъ сарафанѣ съ обнаруженными мерзостями.

Не боясь мести этихъ служителей сатаны, я подписываюсь полностью

Діаконъ Іоаннъ
Смолинъ.
Спб. Невскій, 153, кв. 10.

А для удовлетворенія своей личности прилагаю печатные отзывы о своихъ трудахъ, дабы знали служители сатаны, что порицаніе имъ идетъ не со стороны напросто озлобленнаго человѣка, а отъ глубины души сокрушеннаго сердца объ ослѣпленіи сотрудниковъ Зрителя.

При письмѣ приложены «для удовлетворенія личности» паспорта, выданные изъ типографіи В. В. Комарова за подписью С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета, въ которыхъ значится, что о. дьяконъ написалъ три книги: «Миссіонерскій служитель», «Миссіонерскій путеводитель по св. Библии» и «Миссіонерскій щитъ вѣры». Жаль, что авторъ не прислалъ своей фотографической карточки Сатанѣ-Зрителю. Умилительно просимъ о. дьякона прислать ее, тѣмъ болѣе, что о. дьяконъ вошелъ «въ союзъ русскихъ людей, имѣющихъ давать фактическіе отпоры всякой богомерзкой мерзости». Въ интересахъ общественнаго спокойствія, мы помѣстимъ портретъ ген. Нейгарта рядышкомъ съ о. дьякономъ и сдѣлаемъ подпись: «Миссіонеры со щитами вѣры и съ физическими отпорами». Пожалуйста.

Редакція.

Политическая загадка.

Если поставить въ извѣстномъ порядкѣ слѣдующія восемь „цѣлей“: Амнистія, Братство, Гарантія, Индивидуальность, Неприкосновенность, Народовластіе, Равенство, Учредительное собраніе,—то начальныя буквы укажутъ на „средство“, хорошо оправдавшееся между прочимъ въ Финляндіи. Разгадка въ слѣдующихъ №№

А. ДОЛЯ.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

Съ 15 Ноября редакція и контора журнала „ЗРИТЕЛЬ“ переведены въ новое помѣщеніе: СПБ., НЕВСКІЙ, 28.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ—ЕЖЕДНЕВНО отъ 10 до 5 ч. дня.

Открыта подписка на 1906 годъ.

Журналъ политико-общественной сатиры

„ЗРИТЕЛЬ“

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая цѣна съ пересылкой и доставкой ТРИ рубля.

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

„ЗРИТЕЛЬ“ выходитъ отъ ОДНОГО до ДВУХЪ разъ въ недѣлю въ размѣрѣ 8—16 страницъ. Рисунокъ въ КРАСКАХЪ. Всѣ №№ съ 1 по 16 разошлись безъ остатка. Продолжается подписка съ № 17 до конца 1905 г.—ОДИНЪ руб. съ пересылкой. Всякую корреспонденцію—простую, заказную и денежную адресовать:

С.-Петербургъ, „ЗРИТЕЛЬ“ Невскій, 28 (д. Зингера). Адресъ для телеграммъ: С.-Петербургъ, „ЗРИТЕЛЬ“.

Рукописи ни въ какомъ случаѣ не возвращаются. Письменные отвѣты для редакціи не обязательны.

Редакція открыта ежедневно отъ 3 до 5 час. дня.

Цѣна объявленій: передъ текстомъ строка 30 коп.—Послѣ текста „О“ коп. Въ страницѣ четыре столбца. Таксировка объявленій на строку нонпарелью.

Подписка наложеннымъ платежемъ не принимается. За перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО, Спб., Забалканскій пр. 18.